

Нина Заря-Абрамович

---

*Как я
разводила мух*

Рассказы

Нина Заря-Абрамович

Как я разводила мух. Рассказы

«Издательские решения»

Заря-Абрамович Н.

Как я разводила мух. Рассказы / Н. Заря-Абрамович —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856501-4

«Книга замечательно смешная и представляет собой жанровые сцены. Автор наследует двум Михаилам — Зощенко и Булгакову. Если вам покажется, что это пошлый дамский стеб, — не верьте: это трезвый реализм здравомыслящего человека. У автора множество житейских наблюдений и замечательный опыт, а что стиль репортерский и ирония сквозная — надо же чем-то защищаться нежной женской душе от разрушительного воздействия среды. Только бы она не стала пессимистом, как все юмористы.» А. Ивин, лит. критик

ISBN 978-5-44-856501-4

© Заря-Абрамович Н.
© Издательские решения

Содержание

Записки филиппинки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Как я разводила мух

Рассказы

Нина Заря-Абрамович

© Нина Заря-Абрамович, 2017

ISBN 978-5-4485-6501-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записки филиппинки

Звонок в дверь.

– Кто там?

– Это ваша почтальон Дуся. Принесла письмо заказное!

Запускаю Дусю. Вскрываю конверт. Ух, ты! Письмо из Дарницкого суда. Ничего себе! Без меня меня женили! Наши украинские суды уже начали выносить вердикты без присутствия ответчиков.

Решение суда оказалось ну совсем негуманным. Взыскать с меня долг за жилищно-коммунальные услуги.

Вот тебе и Вовочка Черняев! Вот тебе и новый председатель нашего ОСМД! Выбрали же на свою голову! Первого нашего председателя Гошу Хомейко выгнали.

И теперь расхлебываем.

Гоша был, конечно, с прибабахами. Но с должниками боролся как-то по-свойски. Почти нежно. Ставил у ворот нашего дома дворника дядю Петю с самодельным шлагбаумом. И велел не пущать.

Однако эксперимент Гоши не прошел испытания жизнью. Народ у нас шустрый. Не только норовил через высокое ограждение сигануть, порой застревая на нем в позе «собака на заборе». Ни туда. Ни сюда! Но и жалобы в прокуратуру начал строчить.

Но все это были «цветуечки», как говорит моя соседка Светка. Ягодки начались, когда новый председатель, Вовочка Черняев, начал сдавать соседей-неплательщиков в суд.

К Светке тоже пришла Дуся. И соседка тут же нарисовалась у меня в квартире. С аналогичным решением суда.

– И что теперь делать будем? Это уже не цветуечки!

– Не ругайся, Света. И так тошно.

– Как тут не ругаться! Это все новая власть! Отбирают квартиры у должников.

Выставляют на аукционы. Вон, на улице Институтской половину домов уже скупили!

– Надо на работу устраиваться. Хватит байдыки бить.

– Какая работа?! Работа не для меня. А тебе она нужна. А то ты возомнила себя писательницей. Ты уж меня прости, не хотела тебе говорить, но какая из тебя писательница? Всякий бред пишешь. Читать стыдно. А хоть бы копейку за это получила?

– Мой читатель пока в спячке. В глубокой. Да я еще в Лондон, на книжную ярмарку поеду!

– Какой Лондон? Ты о чем? Квартира горит! Тут срочно деньги надо платить по долгам. А она Лондоном бредит. Иди работать туда, куда тебя еще, может быть, возьмут.

– Куда это?

– На рынок. В няньки. В домработницы.

– Ни-ког-да!

Напуганная слухами о квартирных зверствах на улице Институтской, я зашевелилась. Надо срочно найти работу. Любую. Реальную. Лишь бы выплатить долг.

Я прошерстила Интернет. Но мне попадались или жулики, или сетевой маркетинг, что, впрочем, почти одно и то же. И вдруг вот оно! Реальная работа. То, что надо! Семьсот долларов в месяц! Чистыми! Жилье и питание – в качестве бонуса. Что за работа? Нет, это не лекции по писательскому мастерству в кружок любителей словесности. Все куда прозаичнее! Требовалась помощница по хозяйству в семью москвичей, из трех человек, живущих в горном ущелье под Геленджиком.

Домработница, прислуга... Нет, не хочу. Рабы не мы, мы не рабы. Это у меня свинцом сидит в голове, как, пожалуй, и у многих моих сограждан, рожденных в СССР.

Служанка... «Глазки тупо в пол, язык в ж... пardon, в одно место! И с ведром и щетками... по хоромам! Бр-р!..» – взбрыкнуло мое самолюбие. «Но семьсот долларов в месяц! И «все работы хороши, выбирай на вкус!» – предательски шевельнулось в моей черепушке.

На вкус... Вкусы, у меня, конечно, другие. Мне бы новых рассказов с дюжину забабахать. На роман замахнуться! В Лондон, на книжную ярмарку смотаться. Но все накрылось медным тазом одним решением Дарницкого суда.

Ждать помощи было не откуда. Мой родной муж выстраивал новую жизнь с новой женой в экзотической стране, где растут авокадо.

Я перечитала объявление еще раз. Оно было простым. Без этих барских выпендрежей по поводу опыта работы, рекомендаций, знания VIP-гардероба, умения обходиться с хрусталем, картинами и прочей надуманной дребеденью.

От помощницы хотели всего лишь тишины, такта и понимания. Тебя не видно, не слышно, но ты всегда под рукой! Как та филиппинка в доме у господ. Нужная и незаметная.

Я представила развитие сюжета. Как на это объявление накинется тучи дипломированных конкуренток. С курсами от какого-нибудь кадрового агентства «Золушка», поставляющего в богатые дома безропотных служанок. Но выберут меня, не испорченную этим опытом.

Почему? Я скажу вам. По секрету. Мои мысли в последнее время материализуются. Если я ярко начинаю представлять картинку.

И летать я буду Маргаритой на швабре, с подносами в руках: «Кушать подано! Чего еще изволите?» Вся такая предупредительная и изящно исхудавшая от нелегкого рабского труда. А хозяин-барин, в синем бархатном халате, развалившись на шоколадном кожаном диване, с сигареллой в зубах, вождельно и тайно от жены будет рассматривать меня на предмет «съедобности».

Нет, эта картинка мне явно не нравилась. А если вдруг повезет, и хозяин будет более вменяемый? И я, застенчивая Джейн Эйр, в крахмальном переднике, белоснежном чепце, со скромными телячьими глазками вдохновлю его на большую и чистую любовь?

Интересно, а вдруг мой барин, как и мистер Рочестер, прячет на чердаке сумасшедшую жену?

Ой! Заносит меня иногда...

– Полетаю! Корона не свалится! Крылья не отпадут, – уговаривала я себя. – Зато долг отдам. Подумаешь, самолюбие пострадает! Смотри, как к этому отнестись! Если, как к игре, развлечению, за которое еще деньги платят, то все прекрасно!

Дулю в карман и вперед, с утыгом в обнимку! Помощница по хозяйству в богатый дом – это же находка для писателя! Главное, дулю не выронить! И чтобы хозяева, не дай Бог, не узнали, что в их доме поселился разведчик-бумагомаратель. Иначе полный п...ц! Пардон! Полная чернобурка!

* По этическим причинам здесь и далее слово писец заменено словом чернобурка!

И что же мне написать моим потенциальным работодателям? «Всем требованиям соответствую. Работаю быстро, качественно. Буду незаметной и тактичной. Борщи у меня великолепные. А плов – язык проглотишь! Все соседи сбегаются!»

Насчет борща и плова я не соврала. Тут я ас! В других кулинарных изысках, каюсь, не сильна! Мой родной муж всегда нахваливал только эти мои шедевры. Но, как оказалось, одни борщи с пловами приедаются. Потянуло его на бутерброды с авокадо!

Мой бой-френд Кошарик, унаследовавший теплое место мужа, тоже балдеет от моей кулинарии. Пока.

Так что моим работодателям я высветила лучшие мои стороны.

Звонит телефон.

– Але?

О! Это моя подруга и однокурсница, живущая в Германии уже двадцать лет. Мэрилин фон Брунненштрассе. В прошлом, скажу вам по большому секрету, Машка Дик. Тезка моя. А нынче известная в своем городке Кляйнштатт писательница.

– Ну как твои дела, Маруся? Все в позе «зю» сидишь? Роман уже начала?

– Какой роман, Мэрилин! У меня долг за квартиру! И все очень серьезно. Уже и решение суда получила о взыскании этого долга.

И я рассказываю Машке о своих квартирных проблемах и о возможной работе прислугой.

– Так это же здорово! Я тебе уже завидую! Это же гениально! Служанка в богатом доме! Сколько материала ты накопишь для новых рассказов! А может быть, и на роман замахнешься!

– Ты думаешь?

– Представь, ты богатая писательница... – в ажиотаже начала развивать тему подруга.

– Чего? Богатая? Ну, это ты погорячилась...

– Молчи! Ты богатая писательница, и тебе интересно самой наблюдать за богатыми. Может, у тебя случится любовный роман с хозяином дома? Или ты его соблазнишь назло своей стервозной хозяйке, которая будет тебя унижать! Топтать твоё самолюбие. Это же такой опыт! – эмоционально внушала мне Мэрилин по телефону.

И если бы, не дай Бог, нас кто-то подслушивал, вот бы удивился! Совсем бабы спятили!

– Ты не должна сидеть в позе «зю», как основная масса писателей, – не унималась подруга.

– С чего ты взяла, что все пишут в позе «зю»? Донцова работает лежа. Гоголь писал стоя. А я вот пишу подпрыгивая!

– Я не о том! Писатель должен менять не только позы, но и род занятий. Как Менделеев, который в паузах между клейкой чемоданов совершал химические подвиги!..

Машка права. Этот принцип Менделеева она уяснила твердо. Свою литературную деятельность она чередует с «пуцалками». Работает инкогнито в городском кафе «Синий попугай». Администраторшей. Напялит рыжий парик, загримирует косметикой лицо до неузнаваемости – и вперед, на работу! Подглядывает за гостями кафе, за коллегами и особенно за своим шефом Герхардом. Изучает психологию человеческого общения на практике. Машку зарплата не очень интересует! После работы в кафе она летит на своем велосипеде домой, с багажом жизненных тем, сюжетов и впечатлений. И сразу же бросается за компьютер.

Машка такое накопила в своем кафе о своем шефе! И уже целую повесть настрочила. О жизни голубых. Ее шедевр так и называется: «Мой синий шеф».

Короче. Прислушаться к советам маститой подружки было разумно. Да и самой мне хотелось сменить обстановку и развеяться! И я решилась. Тут же написала письмо в Геленджик. Почти веря в успех. «Всем требованиям соответствую. Работаю быстро, качественно. Буду незаметной и тактичной». Ответ пришел сразу: «Ваше письмо нас заинтересовало. Вышлите, пожалуйста, несколько фотографий».

Ничего себе! Сработало! У меня кольнуло в области души. Шутки шутками, но я точно могу стать филиппинкой! Уж очень четко я представила эту картинку! Неужто москвичам придется отведать моего борщца? Подсознание противилось этому. Но разум кричал: «Надо!»

Я упростила Кошарика изобразить из себя фотохудожника. Он нехотя оторвался от телевизора, плова и бутылки пива.

Я готовилась к фотосессии. Фотографии надо сделать хитрые. Красотка им не нужна, однозначно! Девяносто процентов женщин не потерпят у себя в доме смазливую соперницу. Правда, и уродину тоже не захотят. Кому охота портить интерьер? Нужна была золотая середина.

Я вырядилась в платье мышинового цвета, которое как-то с дури купила в «Хумане»,

сети магазинов секонд-хенд. Платье балахонистое, для беременных, скрывающее мои женственные округлости, соблазнило меня своей ценой. Всего одиннадцать гривен! В канун завоза новой коллекции! «Да пусть полежит, – думала я, – вдруг, пригодится в жизни!»

Вот и пригодилось.

Свои роскошные длинные волосы цвета «золотой радуги», как любит выражаться Кошарик, я спрятала в скромном пучке, напялив на себя шляпку цвета «испуганная мышь».

Тут я должна похвастаться. У меня особенные волосы. Они волшебные. И меняют свою окраску в зависимости от оттенков моего настроения. А поскольку оттенки моего настроения всегда яркие, но с разным окрасом эмоций: радость, восторг, игривость, счастье, кураж, экстаз, – то и мои волосы постоянно меняются. Их цвет всегда разный. Медово-гречишный, медно-шоколадный, малиново-клубничный, пунцово-яблочный, мармеладно-апельсиновый, золотисто-огненный. Чем выше градус настроения, тем ярче цвет волос!

Челку я зализала пенкой с блеском. Другой не нашлось в нашей квартире.

На нос нацепила очки с прозрачными окулярами, которые выудила из кучи разных очков в серванте. В глаза запустила кротость и серьезность. И сразу прибавила себе возраст. Этакая училка, бесполое существо. Такие раньше часто встречались в советских школах!

Мой Кошарик обалдел. Но ничего не сказал, как настоящий мужчина. Он привык к моим выбрыкам.

А я начала принимать антиэротические позы. На фоне картины Кустодиева «Купчиха за чаем», висящей на стене моей шикарной кухни. Лицо купчихи, смакующей чай из блюда, было совсем не кустодиевским. И очень подозрительно напоминало мое собственное. Вернее, это оно и было. Хотя пышные формы, декольте были точно купчихины. А из-под косынки-чалмы буйно выбивались мои золотисто-огненные локоны. Настроение на картине у меня тог-

да было кокетливо-куражное!

Картина эта – подарок мне на день рождения! Моя подруга Валька Бомбейкина постаралась! Из хулиганских побуждений. А может быть, из любви ко мне!

Кошарик диву давался, чего я себя так уродую! Но я решила не посвящать его в свои планы. Я придумаю другое объяснение своему маскараду. Подруга – домработница? Нет, только не это. Надо щадить самолюбие Кошарика. Иначе тоже на бутерброды с авокадо потянет!

Фотографии получились такие, как надо!

Типа, барышня скромна до обморока.

«Из всех кандидаток мы остановились на вас, – пришел тут же ответ. – Когда вы готовы приступить к работе?» – „Хоть завтра», – написала я, понимая, что ситуация перестает быть легкомысленной.

Тут же раздался звонок. Это была Адель Евгеньевна, моя хозяйка. Моя? Хозяйка? Нда!.. Дожилась.

Нет. Лучше сказать иначе. Это была Адель Евгеньевна, хозяйка дома, который предстояло мне вылизывать.

Один хрен, как ни крути! Хоть с боку, хоть в профиль!

У нее был строгий голос. Адель Евгеньевна спросила меня о семейном положении. Я честно призналась, что в разводе. И явно соврала, сказав, что к гражданам мужского пола совершенно равнодушна. Следовало притупить бдительность работодателя, на всякий случай.

Адель Евгеньевна задала мне кучу вопросов, вполне уместных для данной ситуации. Я же, как истинная филиппинка, уже входящая в эту романтическую роль, вопросов не задавала.

– Я сама очень люблю вести хозяйство, а вы мне будете в этом помогать, – вслушавшись я в приторно-слащавый голос будущей хозяйки.

И вдруг я четко представила себе ее образ. Маленькая злючка, спортивная, какая-то вся в темных одеждах. Белокурые волосы. Серые прозрачные глаза, жесткие, холодные, со слезой. И почему-то в руках кожаная плетка. Меня передернуло. Кар-

тинка вышла четкой, очень живой. Напоследок хозяйка еще раз напомнила, какой она желает видеть помощницу в своем доме. Это должна быть особа тихая, спокойная, неприметная, не обремененная личными проблемами. «Филиппинка», — чуть было не ляпнула я, понимая, что все перечисленные определения ко мне никакого отношения не имеют.

Мы быстро договорились с ней.

Я заполнила две сумки страшенькой рабочей одеждой, найденной на задворках гардероба, под стать серому «беременному» платью из «Хуманы», обняла Кошарика, приунывшего из-за расставания, дочь Ленку, которая не скрывала своей радости, и улетела в неизведанное.

Ужгородский поезд, заполненный вуйками-гастарбайтерами, домчал меня за ночь из Киева в Москву.

Светка-соседка была крайне удивлена, когда, найдя меня по мобильному в районе пограничного хутора Михайловский, узнала, что я уже еду в Москву – выполнять решение Дарницкого суда.

– Так куда ты устроилась? Кем? – сгорала от любопытства моя соседка.

– Ну, кем я могу еще устроиться, Света! А то ты не знаешь! Всего лишь... тренером по написанию рассказов! Мастер-класс еду преподавать одному богатому москвичу.

– Да ты что? Неужели такое бывает? Я о таком даже не слыхала!

– Еще как бывает! Народ с жиру бесится! И деньги дают хорошие! И крыша над головой, и еда бесплатная!

– И деньги дают? Не может быть! Ты там себе жениха еще найди! Богатого! Вот это будет лучше всего.

– Найду!

В аэропорту Геленджика меня ожидал джип «Порше Кайен» и его маленькая хозяйка. Она была в черном спортивном костюме «Адидас», с черным стильным шарфиком этой же марки на шее, черных очках от солнца поверх черной бейсболки. С глазами прозрачно-серыми, жесткими.

Это была мистика! Образ, который я представила мысленно еще в Киеве, вдруг

материализовался! Не хватало только плетки в руках.

Дама окликнула меня, вычислив по фотографии. Такую пропустить сложно!

Я была во всеоружии! В прозрачных очках, в фетровой мышиной шляпке, с пучком из спрятанных волос и зализанной челкой. Мое коронное балахонистое платье дико выглядывало из-под простенькой куртки.

Я смущенно улыбаюсь из-под очков. И протягиваю хозяйке торт «Киевский». К людям в дом надо идти с хлебом-солью! – Ой! Мы все на диете! – говорит хозяйка, с пристрастием разглядывая меня своими холодными глазами. Будто на фотографиях в Интернете не налюбовалась!

И мой ангел-хранитель мне настойчиво шепчет, что с этой дамочкой мне будет сложно.

– А вы интереснее, чем на фото, – говорит она с некоторым разочарованием. «Красоту ничем не испортишь», – так и хочется ляпнуть мне, но я скромно улыбаюсь, потупив глазки.

Адель лет под сорок. Она хороша собой и блондиниста. И пахнет от нее деньгами. Все это я замечаю украдкой. Пялиться на нее я не решаюсь.

Она уверенно ведет машину по крутой горной дороге. Сладко, почти приторно улыбается, не меняя холодного выражения глаз. Мы о чем-то говорим, незначительном и уместном в подобном случае. Запоминается фраза, что в ущелье из Москвы они приехали за здоровьем.

Разбитая грунтовая дорога вьется вдоль горного ущелья. Я с тревогой слежу за ней. Мы долго едем мимо старых дач, построенных из того, что было, с покосившимися заборами, и мне кажется, что путь наш бесконечен.

В салоне из кожи цвета кофе с молоком тепло и приятно пахнет. А там, за окном, слякотно, холодно, бедно и противно.

«Куда меня везут? И что со мной будет?»

– вдруг мелькает в моей голове подленькая мысль. Как я могла так опрометчиво довериться случайным людям из Интернета?

Вон какое хитрое лицо у этой в «Адидасе». И заливается соловьем. А вдруг она меня возьмет в рабство? И я буду пахать за тарелку супа в день. Под визжащее пение ее кожаной плетки. Буду изможденной, голодной, затравленной. И мои родные не смогут меня найти. Ведь я не сообщила им, куда еду. А когда мне все же удастся сбежать от рабовладельцев, я уже буду с изломанной психикой и ни на что не годной. Череду моих мазохистских мыслей резко прерывает конец путешествия.

Машина останавливается перед солидными дубовыми воротами. Смелый полет мысли неизвестного автора застыл в рисунке кованого железа. Мы подходим к калитке. Я с тревогой оглядываюсь назад. Со всех сторон одни горы, поросшие лесом. Дом-дворец в три этажа, обнесенный высоким каменным забором, напоминает гриновскую «Дикую розу», которая белоснежным облаком застыла среди серых по-зимнему гор и казалась полным недоумением в соседстве с убогими старыми дачами.

Я залюбовалась дворцом. Его вычурная роскошь и новорусский выпендрей были вполне понятны и... внушали доверие. На крыше примостились скульптуры белых ангелов с крыльями. А на белоснежном спуске крыльца, на перилах – гривастый белый лев.

На фасаде дома красовался герб с золотыми буквами «А.Е.», вычурный и с претензией.

«Адель Евгеньевна», – легко догадалась я. Мои мелочные мысли о тарелке супа улетучились сами собой.

Меня завели сначала в гостевой дом, где мне предстояло жить и который восхитил меня своим великолепием.

Это было совершенно новое прекрасное жилище из двух комнат, кухни и ванной. Со всей современной техникой и оборудованием. С дорогой мебелью и плазменным телевизором. Адель уловила восторг в моих глазах.

– А теперь я познакомлю вас со своим мужем, – властно говорит Адель и ведет

меня во дворец.

На большом крыльце их дома я скольжу и чуть не падаю. Ноги разъезжаются. – Осторожно, тут очень скользко. Строители напортачили, – предупреждает Адель. Я поправляю свою зализанную прическу, серое «беременное» платье из «Хуманы», очки на носу и принимаю выражение лица этакой задротки, как выражается моя очень современная дочь Ленка.

В зале-студии, у тлеющего камина... О Боже мой! Мистика! Вот же сила мысли! На шоколадном кожаном диване, с сигареллой в зубах и в бархатном синем халате возлежит хозяин-барин. Лысый мужик лет сорока. С внешностью Андре Агасси. – Гена! Это наша помощница. Мария, — официальным тоном говорит Адель. Гена невнятно что-то буркнул на мое «здрасьте», равнодушно скользнул по мне взглядом и отвернулся в телевизор. Совершенно адекватная реакция нормального мужика на синий штопанный чулок. «Ура! – думаю я. – Это лучше, чем нездоровый интерес к смазливой служанке». Как это бывает сплошь и рядом, когда мужик не в состоянии задушить в себе первобытного человека. А молодая хищница, попавшая в чужую семью, не может справиться с собственными инстинктами серой вороны. А потом скандалы, слезы, причитания законной жены, трусливые оправдания неверного мужа, и, как правило, финиш, когда ворону с треском изгоняют из чужого гнезда. А нечего устраивать охоту на чужие яйца!

В доме, кроме самой хозяйки и ее мужа, никого не было. Если не считать трех котов. Они сидели в подушках на роскошных диванах. В воздухе высветленной солнечной дорожкой плясала пыль с кошачьей шерстью.

– Это Вареник, это Анфиса, а тот, черный, Митяй, – любовно перечисляла Адель. – Вы ведь, Мария, любите животных, правда?

– Обожаю, – поспешила соврать я, чтобы не ляпнуть своего мнения о том, что для меня животные в доме, на диванах, исключены. Только за его пределами! А если они

все же в доме, то это уже катастрофа!
Адель показала мне дом и все поместье.
Она водила меня по трем этажам, с гордо-
стью рассказывая о достоинствах своих
владений.

– А сейчас самое главное, – Адель ин-
тригующе взглянула мне в глаза, достала
из холодильника кусок сыра с дырками и
повела меня во двор, ближе к забору.
За решетками вольера с вычурными за-
витками кованого железа находились два
огромных волкодава. Они молча и злове-
ще смотрели на меня. А я на них. Это были
собаки-убийцы. Один – белый огромный
алабай. Другой – ротвейлер.

Только накануне по телеку, в новостях
показывали сюжет с алабаем, который от-
кусил девочке из Подмоскovie пол-лица.
Это была той же породы азиатская овчарка,
хитрая и опасная, выведенная в Туркмении.
Ротвейлер был не лучше. Случаев с ротвей-
лерами, искалечившими людей, немерено!
– Дайте им сыра! Не бойтесь, – ласково
сказала Адель.

Мое сердце вздрогнуло и уплыло куда-то
в область пупка.

– Бубочки мои! Вы же у меня воспи-
таные. Людей не едите, – засюсюкала хо-
зяйка собакам. И уже, обращаясь ко мне,
с достоинством добавила: – Мы их хорошо
кормим. Мясом и форелью. Вас они не съе-
дят. Да, это серьезные звери. И если случит-
ся нас защищать, они убьют. Отчего вы по-
бледнели? Спокойно! Я хочу их приучить к
вам. Дайте им сыра!

«Мы так не договаривались! Вы меня не
предупредили о собаках! Я их боюсь до об-
морока и ни за что не приехала бы к вам!»
– хотела я сказать своему работодателю. Но
чего уж тут говорить? Я попала.

Дрожащими руками я протянула два ку-
ска сыра навстречу хищным мордам. Через
кованую решетку вольера. Алабай и ротвей-
лер лениво взяли лакомство из моих рук.

– Привыкайте к собакам. Они вас не
должны тронуть. Я надеюсь. Кормить их
будете вы, – жестко подытожила Адель.
Ночью я не спала. Я находилась в стрес-
се. Куда меня занесло?! Зачем я сюда прие-

хала?! Погибнуть на чужбине от зубов зверюг? И кто меня будет искать в этом горном ущелье, за высоким глухим забором? И какая тогда уж мне будет разница!

И мерещился мне всю ночь родной дом у станции метро Позняки, моя жизнь, доселе беспечная и счастливая. И Вовочка Черняев, наш председатель, грозно потрясающий в руках решением суда. Вот же выбрали на свою голову! Ужо тебе! А за окном долго кричала ночная птица и кто-то ухал.

В десять утра меня разбудил звонок.

Адель. Приглашала в дом, на чай. Я выглянула в окно. С неба падали хлопья снега.

И горы, окружающие дворец, теперь уже были молочно-белыми. Я напялила на себя униформу и открыла дверь в сказочный мир снежной зимы.

Когда я вышла из гостевого дома, меня окружили собаки. Их выпустили из вольера, а я и забыла о них, и пошла по двору.

«Спокойно. Без паники! Адреналин на замок!» – приказала молча я себе. А вслух спокойно произнесла, соблюдая беспечную и миролюбивую интонацию:

– Ну что, пацаны! Как спалось? Чего вам там снилось? Как жизнь собачья? А я вот ни в одном глазу.

«Пацаны» понимающе шевельнули хвостами. Вернее, тем, что от этих хвостов осталось в результате упорного вмешательства человека в личную жизнь собаки. И сопроводили меня до самого крыльца барского дома.

– Ой! Я смотрю, вас мои бубочки не тронули! А я и забыла вас предупредить о том, что собаки выпущены, – изумленно встретила меня на крыльце Адель. – Ларису, нашу бывшую домработницу, они не приняли. Алабай подмял Ларису, сел на нее и не отпускал до нашего прихода. Она тоже была из Украины. Откуда-то из Луганска.

«И где же эта Лариса? Не съели ли ее ваши песики?» – хотелось мне задать вопрос.

Но надо было вести себя сообразно выбранной мною роли безропотной служанки.

– Мы даем вам неделю испытательного срока. Нам нужен родной человек в дом, — сказала Адель.

Мы пили чай. Точнее, пила чай я одна. Хозяйка, очевидно, не желая играть в демократию со своей прислугой, только говорила. О моих обязанностях.

Как выяснилось, обязанностей было много. Дом в три этажа, баня, бассейн, спортзал, летняя кухня, барбекюшница, беседка, крыльцо дома. Все это предстояло мне держать в чистоте и блеске.

Адель выдала мне тетрадь, с перечнем моих обязанностей. Это напоминало школьный дневник. И чье-то ослиное упорство.

Понедельник. Уборка: Парадное крыльцо. Дом. Баня. Бассейн. Спортзал. Летняя кухня, барбекюшница, беседка. Стирка. Глажка. Приготовление еды.

Вторник. Уборка: Парадное крыльцо. Дом. Баня. Бассейн. Спортзал. Летняя кухня, барбекюшница, беседка. Стирка. Глажка. Приготовление еды.

Среда и далее все повторялось с ослиным упорством.

Помимо всего, мне предстояло кормить собак. По особому рецепту. Мясо нарезать мелкими кусками, заливать кипятком, тщательно сливать воду, добавлять оливковое масло.

Кормить трех котов.

Я взглянула на этот «дневник» и ужаснулась. Тут нетрудно и загнуться.

«Вот тебе и помощница по хозяйству! Вот тебе и родной человек!» – обреченно подумала я и мысленно нащупала дулю в кармане. Это тебе не мастер-классы по написанию рассказов, о которых соседка Светка и не подозревала! Но мне же хотелось сменить обстановку, найти новые эмоции! Хотела – и получила! И моя полная впечатлений жизнь началась.

Девять утра. Я уже во дворе. Идет снег. И светит солнце. Горы вокруг поместья величественные. Слева, сразу за забором, вдоль каменистого русла, журчит река. А воздух! Прозрачен и чист до головокружения. После загаженного Киева я попала на курорт. Попала!

Да ладно. Мыслить надо положительно! Представляю, как здесь будет хорошо весной.

Я убираю крыльцо. От снега. Метлой из пластмассы голубого цвета. Крыльцо покрыто скользкой плиткой. Равновесие удерживать сложно. Я, как телушка на льду. Ноги разъезжаются! Мгновение – и я падаю с диким криком на пол, получив метлой по лбу. И какой дурак делал ступеньки из такой гладкой плитки?! Это же надо иметь такие мозги! Дятел! Наверное, гастарбайтеры. Собаки тут же. У алабая глаза какие-то человеческие. Холодные. Недоверчивые. Смотрит испытующе. Обрубок его хвоста в застывшем положении. И я понимаю, что в любой момент могу стать жертвой нападения этой хищной твари.

Ротвейлер более простоват. На мои приветливые слова повиливает своей бесхвостой задницей.

– Ну что, пацаны! Берите лопаты! И вперед, снег убирать! Такова жисть! «Пацаны» смотрят на меня непонимающе, но, кажется, нейтрализованы. Есть меня не собираются. Пока.

Слова хозяйки о том, что алабай способен убить человека, меня бодрят. И я, неожиданно для себя, завожу мажорную украинскую песню.

– «Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ пидвела...» Эх! Ля! Тра-ля-ля!

Всех слов любимой народом песни я от страха вспомнить не могу. Но зато источаю положительную энергетику. Жить захочешь, не то источать будешь!

Зверюги в такт моему пению весело крутятся у меня под ногами, на скользкой мраморной плитке. Их лапы тоже разъезжаются, и псы как будто приплясывают. У ротвейлера коричневый копчик крутится пропеллером. У алабая обрубок хвоста едва заметно, но подвिलивает.

Может, я так хорошо пою? А может, они вовсе и не злые ребята!

Адель показывает мне, как надо приводить в блеск дом. У нее в прачечной целый арсенал подручных средств. Швабры разных мастей, невиданные щетки, упаковки салфеток и шкаф флаконов с бытовой химией.

В доме, кстати, стойкий запах стираль-

ного порошка. И от самой хозяйки пахнет букетом из французских духов и «Ариэля». Странные люди! Ратуют за здоровье, за чистоту дома, а загрязняют свой организм. Вместо кислорода дышат всякой дрянью. За здоровьем они приехали в горное ущелье! Пока я изображаю из себя Золушку, хозяйка тоже не сидит сложа руки. Она буквально ходит за мной по пятам. Контролирует качество работы. Проверяет чистоту бумажной салфеткой.

Вижу, осталась довольна.

Да я и без контроля честно и добросовестно могу трудиться. Я украинка. Хоть и притворяюсь филиппинкой! Работящая и выносливая. Недаром фашисты нас эшелонами вывозили в Германию на работы.

И москвичи припахать любят.

Как я доползла к вечеру до своего гостевого домика, уж и не помню. Зато спала, как убитая. И никаких вредных мыслей! Особенно про Вовочку Черняева.

Я кормлю их мясом и форелью. Собак. Мясо – свежая говядина килограмма четыре. На двоих. Кромсаю мясо в летней кухне. Большим ножом. За десять минут целый тазик. Уже наловчилась. Насобачилась. Делаю все качественно. И не только потому, что хозяйка постоянно присутствует за моей спиной. Ведется видеонаблюдение. Сейчас придет. Проверять, какими кусками нарезано мясо. Если чуть больше по размеру, начнет выговаривать.

Говядина псам на завтрак. Форель, свежайшая, цвета маренго, по две штуки на нос. Это им на ужин. На обед – тазик сухого корма. Надо бы самой попробовать. Форель.

Мясо в больших черных мешках два раза в неделю привозит местный фермер. Два огромных морозильных шкафа до потолка забиты отборной говядиной для собак. Форель покупают на рыбном рынке. Кстати, в озере у беседки живет живая форель по имени Фаина.

Псы терпеливо ждут, пока я раскладываю им еду по кормушкам. Кормушки – в вольере. Я все еще пою бравым голосом украинские песни, когда собаки рядом. От

страха. Слова перевираю.

– «Нэсэ вода Галю – коромысло гнэться.
А за нэю Йванко, мов барвинок, вьэеться...»
Алабай носит гордое имя Шерхан. Он
заносчивый и неприступный. На длинных
ногах. И белый, как полярный медведь.
Морда вытянутая, как у трактора «Бела-
русь», зловещая. Глаза азиатские, хитрые.
В сравнении с ним ротвейлер Горд —
простой жлобок. Он не отходит от меня,
тычется носом мне в руки и начинает злоб-
но рычать на Шерхана, когда тот пытается
подойти ко мне близко. Ревнует. Этого мне
еще не хватало!

Шерхан младше Гордика на шесть лет.
Ему два года. У них тут своя дедовщина. В
такие моменты я тышком-нышком улеле-
тываю от греха подальше. За двери летней
кухни.

Сварганила и себе супец. Из «собачьего»
мяса. С луком, специями. Запах – на все
ущелье! Ем. Смотрю предвыборную агита-
цию по плазме. Про Жириновского, жесто-
ко обращающегося со своим ослом.
Где же Адель? Что-то долго ее нет?
Заходит Адель.

– Вы так быстро с мясом справляетесь!
Я вас уже готова полюбить! Я восемь лет
мясо крошила. Вы мне так помогаете! —
приторно-ласково признается Адель, до-
тошно разглядывая размеры нарезанных
мною кусков. И мне кажется, что из ее прозрачно-
серых глаз вот-вот потекут слезы.

Пробует суп. Вскидывает удовлетворен-
но бровки и забирает кастрюлю к себе в
дом. Потом мне приходит смс-ка: «Спаси-
бо. Очень вкусно. Поели с удовольствием.
Завтра приготовьте борщ».

Ну, вот и настал мой звездный час! Зав-
тра я им покажу класс! Украинский борщ
– мой конек!

Но мой борщ, вершина моей кулинарии,
которого я сварганила целую кастрюляку,
так и остался нетронутым! Хозяевам он не
понравился. Они любят жидкие щи. А в
моем борще ложка стоит!

Мы наблюдаем друг за другом. Я за Аде-
лью. Исподтишка. Адель за мной. Шпионит.
С пультом. По плазме. Лежа в подушках на

диванах зала-студии. Я передвигаюсь по помещью, и каждый мой шаг фиксируется видеонаблюдением.

Собаки сыты. Сидят во дворе, скучают.

Падает снег. Шерхан ловит пастью снежинки. Гордик тяжело направляется ко мне. Он тучный, закармлиен и с трудом бегают.

Я кидаю им оранжевый мячик, найденный на подоконнике летней кухни. Хочу развеселить их. Шерхан бросается к мячу. Но Гордик рычит, становится в боевую стойку и прячет мяч в пасти.

Выходит на крыльцо Адель.

– Мария! Не надо давать им мяч! Ни в коем случае! Мы этого не делаем! Они привыкнут по газонам топтаться! Или начнут грызться, и их тогда только водой надо будет размывать. В эти моменты вы им, смотрите, не попадитесь. Иначе они могут, не разобравшись, и разорвать. Мои знакомые все удивляются, как это у меня два кобеля вместе живут! Вот же, выдрессировала, – с гордостью говорит Адель.

Мячик я уже не бросаю собакам. Но мне их жалко. Они скучают, ничем не занятые. Никто с ними не играет. И хозяйка кричит на них, когда они начинают бегать по заснеженным газонам. Бесцельное существование. Только кормежка три раза в день. Я не выдерживаю и, пока хозяева парятся в бане, бросаю каждому псу по палочке, взятой в дровнике. Псы не сразу понимают, что им надо делать. А потом носятся остервенело по двору, заливаясь счастливым лаем. Палочки раздроблены в пыль. И мне не надо замечать следы моего самоуправства.

Моя жалость к собакам вышла боком.

Мой пример оказался заразителен. Гордик, более шаловливый, нежели Шерхан, стащил вязанку дров и уселся грызть их на заснеженной клумбе.

Адель увидела эту картину и вышла из дому с плеткой в руках. Она жестоко била Гордика и кричала на него. Он лежал на брюхе, поджав уши и обхватив лапами морду. А плетка мелькала в воздухе со свистом, беспощадно. Под Гордиком на белом снегу образовалась трусливая желтая лужица. И

я, чувствуя себя виноватой, убегаю подальше, чтобы не видеть этой печальной сцены. За сетчатым забором, позади дома, грохочет горная река. Чистая, каменистая. Я прижалась к сетке, глядя на воду и горы. Скоро весна! Будет солнце! Сойдет снег с гор, и они станут зелеными. Можно будет купаться в этой реке. А в хозяйском озере у беседки растает лед и покажется наконец-то рыба Фаина.

Звонок на мобильный. Это моя подружка Мэрилин фон Брунненштрассе из Германии!

– Привет, Маруся! Как ты там, в творческой командировке? Роман начала? Мужа хозяйского соблазнила?

– Ни то, ни другое.

– Ты чего, работать туда поехала? Я бы на твоём месте...

Машка никак не уймется! Свою карьеру писательницы она начала с детских стишков. В Германии, в маленьком городке Кляйнштатте, уже вышли три её книжки. Для детей.

Но ни денег, ни мировой славы Машка пока не добилась. Хотя была уверена, что её детские стишки скоро переведут миллионными тиражами на все языки мира. И, может быть даже, издатели купят у неё авторские права! Пожизненно. Как у Андрея Куркова, известного везунчика!

Машка не унывала. Она бегала по школам и детским садам, договаривалась о встречах с сопливыми детишками, своими читателями, и их родителями. Она писала красочные объявления. Клеила их на столбах, в центре Кляйнштатта. Приглашала горожан на платные «лезунги» – чтения. За пять ойро! Однако на «лезунги» народ упорно не желал ходить.

– Наверное, все дело в моем имени! – решила Машка.

И придумала себе звучный псевдоним. Мэрилин фон Брунненштрассе. Частица «фон» – для пущей важности. Признак дворянского рода, владеющего богатыми и могучими княжествами или графствами. Типа, писательница вам не халям-балям! Не лаптем щи хлебает! А голубых кровей.

Хотя чваниться новоиспеченной дворянке было абсолютно нечем: ни земель, ни замков у Машки, эмигрировавшей в Германию из Казахстана, не было. Был дом на несколько семей, который Машкиной семье выделило государство в аренду. А рядом с домом – сиротливый старый колодец. «Бруннен» по-немецки.

Вот Машка его и приватизировала. В своей новой фамилии.

И сейчас по немецкому Кляйнштатту разъезжает на велосипеде настоящая Мэрилин фон Брунненштрассе. Владелица, блин, колодца. В городке Машку все уже знают. От мала до велика. Улыбаются ей при встречах, когда она выписывает на велике за «бротхенами» с маком и повидлом. Но стишки так и не покупают, жадюги!

– Наверное, стихи для детей – это не совсем мое, – сделала как-то открытие Машка. – Может, мне на роман замахнуться?

– Ну, замахнись! Все может быть! Романы имеют коммерческую ценность.

– А про что роман-то лучше написать?

– Ну, лучше, наверное, про любовь! Самая благодарная тема.

Так Машка с моего благословения принялась за роман. Сменила читательскую аудиторию. От детишек к их родителям. И наваяла шедевр под названием «33 эротических сна».

– Мария! Закройте собак в вольере! — кричит мне Адель. – Пришел Радик. Впустите его. – И видя мое недоумение, уточняет: – Это наш дворник, таджик.

– Гастарбайтер? Я не одна такая! – срывается у меня.

– Мы снимаем таджику дачу рядом, — рассказывает Адель. – Собак мы всегда закрываем в вольере, когда он приходит. Не хотим собак к нему приучать. Не доверяем. Закрывать собак! Легко сказать! Эти зверюги уже у ворот. Чуют чужого. Напряжены. Я беру «вкусняшку». Свиное ухо. И бодро кричу псам.

– Пацаны! Смотрите, что я вам дам! Ах, как это смачно! Гордик! Шерик!

Псы неохотно идут на ухо. От еды их уже воротит. Их уже ничем не удивишь, ника-

кими вкусняшками.

Скорее они идут на мои эмоционально-восторженные слова. Я бросаю свиные уши каждому в кормушку, жду, когда собаки неохотно зайдут в вольер, и быстро закрываю за ними калитку на засов.

Заходит дворник. Лет пятидесяти сухощавый азиат. Взгляд вопросительный. Мигом считывает мою социальную принадлежность. По страшненькому прикиду и синему в горошек переднику. Смотрит без одобрения. И даже высокомерно.

Я чисто из вежливости здороваюсь первой. Таджик отвечает на приветствие и тут же удивленно спрашивает:

– Вы собак не боитесь?

– Не-а... Они ласковые, как кошки.

«Полоумную домработницу взяли», — вероятнее всего, подумал таджик. И тут же меня припахал. Заставил включить рубильник у ворот. Открыть окно в бойлерной, выключить горячую воду в кране у дровника. А я, по наивности, услужила. С какого-то переляку. То сделала, то открыла, то включила. Хотя это его работа.

Я прытко бегаю по поместью, с готовностью выполняю указания таджика. И вдруг отчетливо понимаю, что меня тупо используют. Будто я подписала договор об оказании бытовых услуг этому таджику. И понимаю, откуда ноги растут. Таджик в доме уже два года. А я новенькая. Как солдат первогодка. И тут дедовщина! А может, просто ревность? Или азиатская хитрость? А снег валит! Целый день. Мой гостевой домик уже в белом плену.

Таджик расчистил двор от сугробов, прорубил лопатой дорожки от барского дворца к воротам. Заваленный снежными горами вход в мой домик оставил нетронутым. И мне пришлось самой откапываться.

Адель худеет. Ничего не ест. Пьет только соки фреш, которые я выжимаю каждое утро из яблок, моркови и тыквы. Диабет тут ей обеспечен, если верить Елене Малышевой с ее программой «Жить здорово». Мне тревожно за Адель, и я, скинув с себя обличье кроткой филиппинки, говорю ей об этом.

– Я сама знаю, как мне жить, – высокомерно осаждает мой пыл Адель.

И изнуряет себя на тренажерах. В спортзале. Потом становится на весы, разочарованно смотрит на цифры. Сбросила всего триста граммов. Ревностно всматривается в меня и... предлагает мне взвеситься. У меня – минус два килограмма. Я таю на уборке дома.

Мы наблюдаем друг за другом. Мне она уже понятна. Я же для нее, кажется, еще загадка. Колбасы-сосисок не ем, от ветчины отказываюсь. Творожки в глазури игнорирую. Сгущенку и майонез с презрением отвергаю. Насмотрелась «Среду обитания»! Только здоровая пища!

Адель в недоумении.

Мы с ней в бассейне.

Я вылизываю бассейн. Шваброй с махровыми забубонами.

Бассейн шикарный, цвета белого золота.

Вода в нем – словно идеально обработанный голубой топаз. Потолки высокие, как в храме. Подсветки с бриллиантовым блеском. Колонны величественные. Как зимний кавказский хребет за высокими окнами бассейна.

Адель кайфует в бассейне. Устраивает показательные заплывы. В одну сторону брасом. Назад кролем. И уже плывет на спине. Демонстративно фыркает, нежится в теплой глади, распластавшись лягушкой. Я не люблю воду. Наверное, в прошлой жизни я была «Титаником».

Фендебоберная махровая швабра, купленная вчера за тысячу рублей, все время ломается. Спадает с ручки. И мне приходится помногу раз налаживать ее хитрый механизм. Дорогие игрушки для богатых лохов! Дурят наш народ, как хотят.

Адель все плавает. Я все на швабре летаю.

А с потолка шикарного бассейна падает штукатурка. По дорогим стенам и окнам струится потный конденсат. А по углам расползается зловещий грибок, любитель влажности. Что-то не так сработали строители. Халтурщики!

Адель потеет во французской маске,

спрятав лицо в махровое полотенце. Она лежит на диване в шелковых подушках. Тут же ее Гена, в синем халате и с сигареллой в зубах. Пялится в телевизор. Я потею, протирая лестницу из ценного бука, на трех этажах господского дома. За эту буковую лестницу хозяева отвалили миллион рублей. А она хрупкая и крошится, как вафельные пирожные. На ней уже оставлен четкий след от тапочка Гены, как символ искренней веры хозяев в кристальную честность строителей. И теперь по лестнице все ходят бережно и босиком, делая основной упор на поручни. Сейчас я на уровне зала-студии, где разлеглись хозяева. Пот с моего лица льется струями. Как конденсат по стенам их бассейна. Поры открыты, кожа очищается! Лицо сияет. Лучшая очистка для кожи, между прочим! Натуральная. Бутафорские очки сползли с моего мокрого лица. Косынка спала. Длинные шоколадно-карамельные волосы рассыпались по плечам. Мое бесформенное серое платье из «Хуманы» сегодня в стирке. И я в узких розовых брючках и в голубой футболке. Чувствую, что он на меня смотрит. У меня выражение лица предупредительно-исполнительное, как и подобает настоящей филиппинке. Маска, которую я не снимаю уже почти месяц. У него... Да хрен его знает, какое у него! Я не смотрю в их сторону. Мое дело – швабра! И я продолжаю беззвучной и незаметной тенью передвигаться по их дому. Собакам от говядины и форели уже тошно. Они едят вяло и равнодушно. Я украдкой бросаю им сухарики и сыр. Но и от этого у них никакой радости. Шерхан вообще воротит морду от миски. И с любопытством наблюдает за черной птицей с длинным оранжевым клювом, которая повадилась питаться с собачьего стола. И уже прописалась у вольера, на развесистом дереве, а завидев меня, начинает требовательно кричать, широко раскрывая свой яркий клюв. И мне будто слышатся ее каркающие слова:
– Маруся-я-я! Да-а-ай сыра!

Птица нагло ходит прямо у собачьей морды, клюет только сыр «Пармезан», а сухарики игнорирует. Разборчивая! И ухом не ведет, что лишь миг – и она может потеряться в пасти волкодава.

Что это за птица? Я открываю ноутбук и ищу птицу с оранжевым клювом. Она! На фото – наша наглая приживалка. Это черный дрозд. Надо придумать ему кличку. Коль уж он приручился и меня за свою хозяйку принимает. Пармезан! Чем не кличка для дрозда?

Адель вернулась из спортзала. Набежала по дорожке. Красная и раздраженная. И от нее пахнет «Ариэлем». И только в летней кухне воздух свежий. А на улице он хрустальный.

Хозяйка собралась в город за покупками. Таджики Радик моет ее машину.

У Гордика сегодня день рождения. Адель спрашивает меня, чего я хочу из еды.
– Да спасибо. Все есть. Разве что конфет дешевых.

Адель молча уставилась на меня. В ее глазах я читаю недоумение, злость и даже обиду. И мне кажется, что вот-вот слезы польются из ее прозрачно-серых глаз.

– Мы даже своим кошкам никогда ничего дешевого не покупаем.

Вечером Адель принесла мне в летнюю кухню два пакета с дорогими шоколадными конфетами. А собакам – куры-гриль в серебряной фольге. И торт из фуагры. Псы нюхнули торт и отвернулись.

Да, уж!

Таджик со мной не здоровается. Мужик называется! И я делаю вид, что в упор не вижу его, занятая своими обязанностями. Я в доме. Он во дворе. Но мы все же пересекаемся, и эти встречи неприятны мне. Он хмур и неприветлив. И умудряется почти каждый день припахать меня. По мелочам. А мне как-то неудобно отказать.

Два гастарбайтера в барском доме, объединенные одним рабским положением, откровенно враждуют!

И я начала закрывать дверь своего гостевого дома на ключ, чтобы хитрый азиат не подбросил мне чего-нибудь из хозяйско-

го дворца. Украшения дорогие, например, швейцарские часы или мобильные телефоны, разбросанные по всему дому. Чтобы не подставил меня. Он в дом не заходит, но моет машины в гараже, который под домом. И там есть вход в цокольный этаж. Если захочет – проникнет.

Надо же! Увидел во мне, приехавшей из Украины, даже не ровню, а человека, еще ниже по уровню жизни. И, как всякий холуй с психологией раба, начинает меня принижать. Грузить. А перед хозяевами — на задних лапках.

Интересно за всем этим наблюдать. Скоро хозяева свалят в Москву.

Как будут разворачиваться события, и не представляю. Надо красиво выйти из этой ситуации. А то я себя знаю. И ментов на него могу натравить, и вольер забыть закрыть... Если меня все это достанет. Но тогда меня выпрут досрочно. А мне еще полгода надо ишачить за квартиру.

Адель меня предупредила, чтобы я таджику не говорила, что я из Украины. Иначе участковый с меня будет брать по пятьсот рублей за нелегальное трудоустройство. С меня возьмешь! Шиш! Адель еще не знает, что этот участковый пойдет у меня по статье за вымогательство.

Ой! Опять занесло меня! Я тут «хто»? Я же филиппинка, безмолвная, безропотная и беззащитная! Качать права? Какие права? На баррикады с метлой и поролоновой губкой? Смешно!

Сегодня у нас был шоппинг. Ездили в Геленджик. Сначала Адель выложила круглую сумму за спортивную одежду в магазине «Адидас». Набрала курточек с мехом, без меха, костюмов спортивных, обувь. Завалила пакетами весь салон машины. Она любит марки «Найк», «Пума», «Адидас». Это я уже просекла, с утюгом в обнимку. И по безмозглой стирке.

Почему безмозглой?

Стирка беспощадная, ежедневная. Машинка работает постоянно. Все новые вещи через несколько стирок становятся секонд-хендом. Черный шарфик «Адидас», кокетливо повязанный на шее Адель при встрече

в аэропорту, уже прокрутился в центрифуге несколько раз. Потерял вид и форму. И, как и многие вещи, был выброшен в мусор. Не удивлюсь, если таджик, отвечающий за чистоту мусорного контейнера, шлет стабильно гуманитарную помощь к себе на родину.

И по синему небу над Кавказским хребтом стройным косяком летят брендовые шмотки в Таджикистан. К его жене и трем детям.

И зачем так часто стирать! Будто шахтеры в доме живут!

У Адели в цоколе три гардеробные комнаты. Они напоминают небольшие бутики. Для обуви. Одежды верхней. Одежды нижней. Адель может часами перебирать свои вещи. Пока я здесь же, в цоколе: выглаживаю шнурки, махровые салфетки и прочую кухонную сволочь.

Прихоть хозяйки. Это чтобы шустрая работница без дела не сидела!

После «Адидаса» мы едем в торговый центр. Адель швыряет в тележку все подряд. Пачками и коробками. Не глядя на ценники. Ананасы, манго, икру, соки, шоколад, колбасы, сыры и другие деликатесы.

– Я сервелат лично для вас беру. Я его не ем, – снисходительно обращается ко мне Адель.

– Я тоже колбасу не ем, – парирую я.

Хозяйка меняется в лице, кажется, обиделась. И вот-вот слезы навернутся на ее глаза.

Адель заполнила почти доверху тележку продуктами и взяла... вторую тележку. Для бытовой химии, швабр и метелок. Победоносно вскинула на меня свои прозрачно-серые глаза.

– Это уже персонально для вас.

Меня передернуло от этого. И я отошла к тележке с колбасой.

На кассе Адель выложила сумму, равную моей месячной зарплате.

Я не комментирую. И комментировать тут нечего. У ее мужа налаженный бизнес в Москве. Дома высотные строит. А мой муж родной выстраивает затейливые пирамиды. В постели. С новой женой. И мне по-

хвастаться нечем. В отличие от Адели. Мне даже показалось, что Адель делает все демонстративно. Красуясь передо мной. Я никак не реагирую. Тратить деньги на такое количество ненужного товара! И на продукты сомнительной пользы! Глупо. Даже если у тебя миллионы! Тем более когда ты на диете! И изнуряешь себя каждый день на бегущей ленте в спортзале. Лучше бы вкладывала деньги в свое образование. Вуз Адель не заканчивала. Замуж выскочила в шестнадцать лет. За одноклассника. В семнадцать родила дочь. Анжелику.

Анжелику я видела издали, два раза. Мы с ней не пересекались. В семь утра она уезжает в колледж, в Геленджик. А приезжает в девять вечера. Возят ее водители. Их у них трое.

За рулем по дороге домой Адель начала откровенничать!

– Я никогда ни дня не работала. Муж меня любит. Это уже третий джип, который он мне дарит. И никогда не предупреждает. Все держит в секрете. Этот «Порше Кайен» он мне подогнал к дому. И по телефону попросил выглянуть в окно. Между прочим, стоит двести тысяч долларов. Маленькая женщина рождена для любви. А большая – для работы, – хвастливо подытожила Адель.

Я, кажется, смутилась от таких слов. И инстинктивно вжалась в сиденье молочно-шоколадного салона. В сравнении с маленькой Аделью я не была Дюймовочкой.

– Адель! В доме повешенного не говорят о веревке, – осмелела я.

Она не поняла моего замечания. Так же, как не поняла меня, когда я сказала ей на днях, что положила ключи от гаража в «Джоконду». На кустарной коробке-ключнице с портретом Джоконды золотыми буквами было написано «Мона Лиза».

Не удивлюсь, если Адель только с коробкой для ключей ассоциирует Мону Лизу.

Кстати, Адель боится потерять мужа.

Она мне рассказала о своей подруге, которой уже сорок лет и которую муж бросил

с двумя детьми, сменив на молодуху, призванную реанимировать способности мужика к постельным сценам.

Вот уж этот никчемный рыцарь! Каминный аксессуар, жлобской атрибут многих домов. И какой только мошенник-кустарь выпустил его на рынок! И сам безрукий! И славного рыцаря подставляет. С этого железного изваяния все время падают то совок, то щетка, то это примитивное приспособление для угля.

И мне все время приходится нагибаться и вставлять за плечи рыцаря эти унижающие его причиндалы. А они все равно падают на мраморный пол, да так звонко, что три хозяйские кошки, сидящие на диванах, содрогаются и смотрят на меня недовольно и почти с презрением.

Сегодня понедельник. И я вновь вылизываю дом. В субботу только навела блеск и красоту. Но за один день он опять зарос грязью.

Бесполезный труд! В доме кошки. Они линяют. Их шерсть летает в воздухе и плотным покровом оседает на все. На мебель, на одежду, на самих хозяев. Хозяева этого не замечают. Кошки спят в хозяйских постелях, валяются на диванах.

Впечатление, будто это их дом. Кошкин дом! А хозяева у них в приживалах!

Была бы моя воля, я бы этих кошек...

Побрила бы на лысо!

Какая воля! Я филиппинка. И молча выкатываю с барской одежды кошачью шерсть специальными липкими валиками, которых у Адели целый ящик в шкафу. А она, подлая, – шерсть кошачья, – все летает.

Я сказала Адели, что борьба с шерстью – курам на смех, если в доме три кошки. И что здесь нужно что-то кардинальное.

Адель тут же умчалась в город. И привезла из магазина специальное средство.

Шерстеулавливатель. Под названием «Вьюга-7». Это нечто похожее на маленький пылесос размером со средний фонарик. Только на конце этого чуда техники не только лампочка, но и широкая труба. Направляешь трубу в воздух, включаешь свет-прожектор и видишь, как шерсть ко-

шачья стройным косяком завьюживается в этот шерстеулавливатель.

Самый лучший пылесос среди фонариков! И самый лучший фонарик среди пылесосов!

Я только диву даюсь. И не лень ей мозги парить по всяким этим мелочам жизни.

Лучше бы выпустила этих паршивых кошачков во двор, а сама Ремарка почитала. Валяется книга в дорогой обложке на ее стеклянном столике. Закладка на четырнадцатой странице. Уже месяц.

Я наблюдаю за ними, и вывод такой.

Они недавно обрели богатство! И Адель с удовольствием исполняет роль хозяйки большого дома, купившей на время домработницу из братской Украины и дворника из солнечного Таджикистана.

Жизнь господ скучна. Они зависят от дома, заваленного барахлом. И смысл их существования, кажется, состоит только в том, чтобы обслуживать этот дом руками чужих людей и наблюдать за этими людьми по видеку.

Ну, пойдут поплавают в бассейне, ну попарятся в бане, ну погоняют по бегущей ленте в спортзале, ну телек, ну шоппинг. И все.

Скука!

Еда варится здесь в большом количестве и не съедается. На второй день все летит в мусорный контейнер! Тупой перевод продуктов. Собакам человеческую пищу не дают.

Я, кажется, перестала бояться собак. И песни украинские пою уже не для них, а для себя. Хотя с алабаем Шерханом все же осторожна. Он хитер, как настоящий азиат. Но, верю, Гордик защитит! Он не подпускает Шерхана ко мне ближе, чем он сам подпускается мной ко мне, все норовя потереться своим жирным бочком об мои колени.

Я открываю вольер после ухода дворника.

– Пацаны! Выходите! На свободу с чистой совестью!

Первым выбегает Гордик, грузный, неповоротливый, с трудом переваливается на мускулистых лапах. Тычется носом мне в

ладони. Глаза преданные, влюбленные. Я беру чесалку и чешу ему спинку, жирные бока. И Гордик от удовольствия начинает смешно попискивать.

– Ах ты, свинюка толстая, боров шелудивый! Нравится, когда я тебя чешу! Ну, хрюкай! Громче! Хрюкай!

В такие моменты Шерхан тут как тут. Тоже хочет побыть свинюшкой. Но Гордик ревностно оберегает меня от его свинских притязаний.

Тут по местному телевидению я узнаю, что в Краснодарском крае решено сжечь всех свиней. Оставить лишь по три свиньи в личных хозяйствах. Для этого была привлечена прокуратура и другие силовые структуры.

Официальная причина такой крайности? Борьба с африканской чумой. А на самом деле, как возмущается народ, дело в банальной конкуренции. У губернатора края большой личный свинокомплекс. Так что в нашем хозяйстве полный порядок. Всего две свинюшки. Но зато какие! Муж Гена все время валяется на диванах, вместе с черным котом Митяем. И вся его одежда, его мобильные телефоны, по которым он контролирует свой бизнес в Москве, все в черной кошачьей шерсти. Ну, нравится мужику шерсть! Крепка, видно, его генетическая память! Не далеко эволюционировал он от своего первобытного предка, облаченного в шерстяные шкуры забитых зверей.

И мне так и хочется прокатить по Гене липким валиком или направить на него проектор шерстеулавливателя «Вьюга-7».

Гену не слышно. В доме командует Адель.

Такие радости жизни.

У нас мелкий теплый дождик, от которого почему-то смылся весь нос у гипсового льва на парадной лестнице. Отвалились пласти воздушного лепного декора на фасаде дворца. И откололся большой кусок от белой колонны, подпирающей дворец.

Странно! Такое впечатление, что лев, колонны и лепнина не из гипса, как говорит Адель, а из песка и известки.

Трава уже зеленая. Скоро весна!
Я летаю с пылесосом по дому. Я в одной футболке. Все окна нараспашку. В доме нет ни одной батареи. Все тепло от пола с подогревом. Тут жарко везде. На каждом сантиметре пространства.
А у меня на Позняках зимой дубак! Какой же я была самоуверенной, когда не платила за вечно холодные батареи в своей квартире! Считала глупостью выбрасывать настоящие деньги за фальшивые услуги. Тепло не доходило до моего шестнадцатого этажа. Квартира промерзала так, что голуби, заср... пардон, заселившие техэтаж, замерзали на лету и гулко падали на бетонный пол, с которого был украден утеплитель еще строителями «Киевгорстроя». Мы со Светкой-соседкой зимогорили в дубленках турецкого производства и в чунях из шерсти овец, выращенных в экологически чистых горах Закарпатья. В моменты наших чаепитий пар клубился не только от чашек с горячим чаем, но и от морозного воздуха в наших квартирах.
А в актах, составленных комиссией из нашего правления, значилось, что температура в наших квартирах соответствует всем нормам. Хоть помидоры парниковые выращивай! И нежных колибри разводи! Неудивительно! Комиссия во главе нашего председателя Вовочки Черняева являлась стабильно в апреле – когда уже была аномальная жара. А вызывали мы ее еще в морозном феврале – когда в квартирах наших зуб на зуб не попадал.
Адель нашла пыль на стойке с бильярдными шарами. Я как-то не обращала внимания на эту стойку, висящую на стене. Она ткнула меня носом довольно грубо. – Тут тоже надо протирать! Стойку, кий и шары. Смотреть за всем надо.
Я тут же, нащупав дулю в кармане, ляпнула небылицу:
– Купите средство специальное.
– Какое еще средство? – оживилась в любопытстве Адель.
– «Бильярдин №3». Средство для чистки бильярдных шаров.
– Да-а? Не слышала о таком. Завтра же

поеду в город и куплю.

Адель вернулась из города в расстроенных чувствах. «Бильярдина №3» нигде не оказалось. Она фанатично объездила все магазины Геленджика в поисках этого мистического чистящего средства. И, кажется, уже задолбала Гену, требуя узнать у знакомых в Москве про «Бильярдин №3».

– В Москве уж он точно есть, этот «Бильярдин №3»! – самоуверенно говорит маленькая Адель. И у них с мужем начинается из-за этого грызня.

Побеждает Адель. Женщина-командор. Я меняю постель на господской кровати. Интересно, Адель изобретательна в любви? И мне вспоминаются детали романа «33 эротических сна», автором которого была моя неугомонная подруга из Германии Мэрилин фон Брунненштрассе. Сменив сопливую аудиторию на озабоченную, Машка наваяла супернетленку. И тут же скинула мне роман на почтовый ящик: «Прочти его и честно скажи свое мнение. Только честно!»

Вечером я открыла свой ноутбук и ушла с головой в роман.

Роман был про любовь. Хотя нет! Скорее про эротику. Или про порнуху? Хрен его поймет! Тут уж надо быть экспертом, чтобы разобраться. Выявить зыбкую грань между эротикой и порно...

Роман назывался «33 эротических сна». Идею романа Машка взяла из собственной жизни. Как-то она купила в комиссионке кровать. Кровать красивая, украшенная на спинках коваными фигурками людей, птиц, животных. Но кровать чужая. Поддержанная. Неизвестно, кто на ней спал, с кем и как, что чувствовал, как мыслил и кем вообще был.

В итоге Машке начали сниться на этой кровати эротические сны.

Каждый день, вернее, ночь ей виделся новый сон. Машка просыпалась утром счастливая и удовлетворенная. Сны были настолько интересными, с такими драматическими любовно-сексуальными перипетиями, что Машка начала их записывать. И даже блокнот и шариковую ручку привяза-

ла к кровати, чтобы всегда были под рукой!
Так у нее и получился роман. «33 эротических сна». Кровать вдохновила!

Вещи имеют свою биоэнергетику, которая может передаваться и влиять на человека, предупреждают ученые. Вот и не верь им после этого!

Пересказывать содержание романа – дело неблагодарное. Сами понимаете. Лучше всего купить роман. У Машки. С ее сайта. Набрать в Интернете ее звучный псевдоним – Мэрилин фон Брунненштрассе. И дело в шляпе. Блин, в колодце!

Честно высказать свое мнение о романе у меня не получилось. Я похвалила произведение коллеги. Конечно. А что делать? Критика только убивает творца. Обламывает ему крылья. А нам же так летать охота! «Забавно, не избито, скандально... – с трудом подбирала я банальные слова. — Молодец! Давай дальше, в том же духе! Оттачивай перо!»

Но, очевидно, Машка усомнилась в моей искренности и дала почитать свой шедевр соседям по дому – геру Клапссу и его жене Пауле. Законопослушные бюргеры пенсионного возраста, которые всегда умильно с Машкой раскланивались, а гер Клапсс даже шляпу снимал.

Когда бюргеры прочли Машкин шедевр, они тупо перестали с ней здороваться. Особенно категорично фыркала и воротила свою пуританскую физиономию бюргерша. При виде Машки. А сам гер Клапсс на Машкины наивные вопросы по поводу вдруг резко сменившегося настроения ответил: – Фу! Как можно такое писать? Вам не стыдно?

Я запуталась в этом тяжелом, с рюшами пододеяльнике. Самая унылая работа по дому – менять чужую постель. Тяжкие

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.